

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО СТАТУСА МОЛОДОГО УЧЁНОГО

© 2021 г. С. В. Пирожкова

Институт философии РАН, Москва, Россия

E-mail: pirozhkovasv@gmail.com

Поступила в редакцию 27.10.2020 г.

После доработки 06.01.2021 г.

Принята к публикации 12.01.2021 г.

В статье представлены результаты анализа статусной позиции молодого учёного как многоаспектного социокультурного явления, а не только как инструментальной категории научной политики. Рассматривается социально-исторический контекст формирования категории “молодёжь”, выявляются конститутивные характеристики этой социальной группы, раскрываются трансформации, которые она претерпевает в условиях доминирования инновационной стратегии развития экономики и общества. Сопоставляя российскую и зарубежную (прежде всего европейскую) практику, автор указывает, что российским функционерам не хватает понимания того, что представляет собой статус молодого учёного. Обосновывается, что этот статус определяется сообразно не столько возрастному критерию, сколько критерию карьерного продвижения. В странах-лидерах в области науки молодой учёный проходит определённые этапы карьерного роста, ряд из которых, прежде всего постдокторантура, не имеет равноценных аналогов в России. Сравнительный анализ аспирантского и постдокторантского этапов позволяет сделать ряд выводов о значении постдокторантуры как инструмента научной политики в условиях, с одной стороны, повышенного предложения на рынке научного труда, а с другой – необходимости осуществлять передачу знаний и умений в рамках модели взаимодействия науки, государства и частного сектора, известной как модель тройной спирали. В заключение обосновывается вывод, что позиция молодого учёного, характеризуясь маргинальным положением в научной иерархии и риском ухода из профессии, имеет большое социокультурное значение, поскольку именно в период “научной молодости” формируется уникальный человеческий капитал – когнитивный и социальный. Совокупность приобретённых индивидуальных компетенций определяет дальнейшее развитие науки, а также смежных областей, занятых применением и распространением научных знаний.

Ключевые слова: молодой учёный, молодёжь, наука, научная политика, аспирантура, постдокторантура, научная карьера.

DOI: 10.31857/S0869587321030051

В последние десятилетия категория “молодой учёный” стала необычайно востребованной в российской научной политике. Конечно, сам

этот статус не нов: советы молодых учёных и специалистов стали создаваться в советское время, первый Совет научной молодёжи возник в 1961 г. в Сибирском отделении РАН [1, с. 56]. Однако именно на рубеже веков этот статус стал обретать современные особенности, подкрепляясь новыми организационными и юридическими нормами, а также социальными практиками. Этот процесс характерен не только для российской науки, претерпевающей череду реформ, но и для других стран.

Востребованность кадровой научной политики, ориентированной на молодёжь, и неоднозначность соответствующей практики обусловили запрос на теоретическую проработку этой темы. И к концу XX в. она оказалась в фокусе

ПИРОЖКОВА Софья Владиславовна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии РАН.

внимания как отечественных [2–7], так и зарубежных исследователей [8–12]. Анализ их работ свидетельствует, что специфика статуса молодого учёного в современных российских и мировых реалиях делает актуальным его рассмотрение уже не только в контексте научной политики, но в более широкой перспективе – в качестве особого явления в рамках науки как социального института, познавательной практики и культурного феномена. Цель настоящей статьи – показать, как и почему статус молодого учёного сопрягается с областью социокультурных явлений, которые должны приниматься в расчёт при организации науки и выборе мер научного администрирования, а также определить, какая именно социокультурная реальность скрывается за категорией “молодой учёный”.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ ФОРМИРОВАНИЯ МОЛОДЁЖИ КАК СОЦИАЛЬНОЙ ГРУППЫ

Начиная со второй половины XX в. молодёжная тематика стала одной из ведущих в области теоретических и прикладных социальных исследований. Послевоенный мир хорошо описывается концепцией американского антрополога М. Мид, объявившей в конце 1960-х годов о “наступлении совершенно нового этапа культурной эволюции” [13, p. 51] – формировании нового типа культур, которые она назвала префигуративными (в противовес постфигуративным традиционалистским культурам и кофигуративной культуре модерна). Культуры названного типа отличаются тем, что в них – вследствие изменения характера передачи культурного опыта – будущее, олицетворённое в молодом поколении, становится драйвером всех социокультурных процессов. Социокультурная среда начинает меняться с такой скоростью, что модели поведения и деятельности, которыми располагают средние и старшие поколения, устаревают до того, как молодым удаётся их освоить. Более того, даже среди чуть более старших сверстников молодые часто не находят приемлемых образцов для подражания – настолько быстро меняются условия жизни и возникают соответствующие им модели поведения. М. Мид отмечает, что людям с устоявшимися привычками и особенностями поведения оказывается труднее адаптироваться к новым реалиям, чем тем, кто ещё только вступает в жизнь и чьи поведенческие паттерны не успели закрепиться в процессе социализации.

Молодёжь – весьма неоднородная группа как в возрастном, так и в социальном и культурном отношении. Гетерогенность порождает вопрос о правомерности и адекватности соответствующего теоретического конструкта. Основание этого конструкта – возрастной критерий, однако моло-

дёжь – не просто определённая возрастная когорта. Мы имеем дело не столько с демографической, сколько с социологической и культурологической категорией. То есть предполагается, что молодых людей связывает не только общность возраста, но и та социальная роль и культурное значение, которые отличают их от людей старших поколений. В концепции М. Мид термин “молодые” (“young”) и родственные термины функционируют именно в качестве понятий культурной антропологии и, шире, теории и философии культуры, формируя соответствующую теоретическую традицию (именно поэтому нужно эту концепцию упомянуть).

Внутри традиции социокультурного понимания феномена молодёжи во второй половине XX в. выделяются локальные дискурсы, связанные с изучением особенностей поведения этой группы, её роли в политических процессах, феномена социально неблагополучной молодёжи, гендерной и расовой специфики и др. Исследования научной молодёжи несколько дистанцированы от этого дискурса, поскольку такие понятия, как “молодой учёный”, “молодой специалист” (“junior researcher”, “young scientist”, “early career researcher”) и соответствующий теоретический конструкт имеют ярко выраженную прикладную направленность: речь идёт об исследованиях, призванных формировать базу научной политики, что делается без погружения в широкий социокультурный контекст.

Социокультурное выделение молодых как особой общности имеет биологические основания, а сама общность отличается биологической и психологической спецификой [14, 15]. Однако специфика молодёжи как особой социальной группы обозначается благодаря той роли, которую она играет в процессе общественного и культурного воспроизводства [16, 17]. В.И. Чупров с соавторами указывают, что воспроизводство “может быть деструктивным (отставание развития), простым (повторение) и расширенным (возобновление во всё увеличивающихся масштабах)” [16, с. 47]. М.К. Горшков и Ф.Э. Шереги поясняют, что воспроизводство социальной структуры есть то же самое, что смена поколений, и предполагает воспроизводство профессиональной, затем социальной (социально-классовой) и, наконец, политико-идеологической структуры. При этом стержневым моментом при выделении молодёжи в качестве объекта социологии, а не, например, демографии или психологии, они видят “распределительные отношения”, другими словами, молодёжь оказывается прежде всего статусной категорией: «Социологическое понятие “молодёжь” есть производное от противоречий между поколениями, возникающих как результат усилий молодого поколения путём воспроизводства социальной структуры “вытеснить” экономиче-

ски активное население [если выделять политическую, правовую, образовательную подсистемы общества, то, можно говорить, о политически активном населении, субъектах правотворчества, трансляции знаний и т.д. — С.П.] из господствующих распределительных отношений» [17, с. 584].

С точки зрения социального целого, с молодёжью нужно работать так, чтобы предотвратить деструктивное и обеспечить простое и расширенное воспроизводство. Соотношение простого и расширенного воспроизводства зависит от характеристик социокультурной среды, а в современном обществе требует нетривиальных ответов: с одной стороны, очевидно, что общество должно развиваться, с другой — не менее очевидна необходимость сохранения важнейших ценностных категорий и накопленного исторического опыта. Решение этой задачи осложняется тем, что молодёжь — не пассивный объект воздействия, но равноправный субъект, с которым нужно выстраивать диалог. М.К. Горшков и Ф.Э. Шереги выражают эту особенность молодёжи как социальной группы через соотношение процессов социализации и самореализации, где в общем случае первый процесс превалирует на ранних этапах молодости, второй — на более поздних [17, с. 578].

Противоречивость статуса молодёжи можно сформулировать и исходя из факта устремлённости (как субъективной, так и объективной, биологически детерминированной) молодых к утрате этого статуса. Помимо функциональной роли в процессах социокультурного воспроизводства, молодёжь выделяется как группа переходного типа между детством и зрелостью. Это люди, проходящие процесс социализации, то есть те, кто включается в существующую социальную структуру и её функционирование. Так формируется значение понятия “молодой человек” как противоположного понятию “взрослый/зрелый человек”. Фактически молодой — это человек, ещё не достигший порога зрелости. Как отмечает социолог И.М. Ильинский, такая трактовка обусловлена тем, что на протяжении всей истории человечества “центральной фигурой в обществе был зрелый (взрослый) человек” [18, с. 416]. Тем самым порождается идея зависимости молодых от взрослых, причём речь идёт не только об экономической несамостоятельности, на которой делает акцент И.М. Ильинский, но о зависимом положении с точки зрения структурно-функционального понимания социума, а также с гносеологической точки зрения. Суть этой зависимости заключается в отсутствии не только экономических ресурсов для занятия равноправных позиций в социальной структуре. Помимо этого, молодым не хватает опыта и разнообразных навыков, они не обеспечены социальными возможностями, приобретаемыми в ходе реализации различных социальных практик, наконец, они не

всегда до конца осознают собственные сильные и слабые стороны, не успели установить баланс между своими потребностями и желаниями.

Можно согласиться с М. Мид, полагающей зависимость молодёжи неустранимой и по сути остающейся неизменной на протяжении всего развития человеческой цивилизации [13, р. 70]. Меняются только виды поддержки, которую взрослые оказывают подрастающему поколению. Так, сегодня кажется само собой разумеющимся, что общество должно компенсировать “издержки стартового периода”: создавать дополнительные и направленные возможности, предоставлять гарантии, страховать риски. Лишь при наличии подобных условий можно ожидать, что молодые смогут обеспечить не только простое, но и расширенное воспроизводство сообщества. Однако при таком подходе складывается представление о молодёжи только как объекте социализации. Положенное в основу социальных практик такое представление может не устранять, а, наоборот, формировать у молодых “обострённое чувство социальной несправедливости, социальной ущемлённости, болезненность мироощущения, повышенную готовность к протесту, избыточную критичность, агрессивность” [18, с. 417].

Если в обществах традиционалистского типа возрастная иерархия поддерживалась благодаря своей функциональной эффективности, то в обществах кофигуративных и префигуративных (прежде всего!) она оборачивается значительными издержками. Сама ситуация открывает молодёжи доступ к ресурсам, превращающим её из объекта в субъект социальных процессов. В результате возникают нетривиальные эффекты, когда среди возрастной когорты молодых оказывается всё больше людей, социальный функционал которых в некотором отношении оказывается соразмерным функционалу зрелого человека. Отсюда и отмечаемый М.К. Горшковым и Ф.Э. Шереги факт “омоложения” процесса самореализации молодёжи [19, с. 8]. Вместе с тем возрастные психологические и некоторые социокультурные особенности не позволяют говорить о таких людях как о зрелых, то есть специфика молодёжи не упраздняется. В частности, молодые способны достигать ранних карьерных успехов и включаться в принятие разнообразных решений как локального, так и общественного значения, сохраняя вместе с тем свежесть восприятия, нонконформизм, ведя несемейный образ жизни и т.д. Формируются специфические группы наподобие яппи (*young urban professional person*) или их российского аналога в виде молодых управленцев, для которых характерно сочетание зрелости одних с инфантильностью других аспектов поведения.

К сказанному нужно добавить, что, конечно, по сравнению с традиционалистским обществом возрастная структура усложняется, с одной стороны, становясь более дифференцированной, с другой — обнаруживая размывание чётких границ между разными возрастными группами. Если рассматривать возраст в качестве комплексного феномена, интегрирующего помимо физиологических, психологические (в том числе социально-психологические), социальные и культурные характеристики, временные рамки молодости приходится корректировать в зависимости от конкретных исторических обстоятельств.

Нельзя не отметить, что молодость (юность) как достаточно протяжённый переходный период для того, чтобы иметь социальное и культурное значение, характерен только для относительно развитых обществ, в которых у подростка есть возможность, выйдя из времени детства, постепенно входить во взрослую жизнь. Сегодня обнаруживается и обратный процесс, когда зрелые в физиологическом смысле люди и психологически, и социально долго остаются молодыми, если не детьми. Вместе с тем любой кризис быстро меняет ситуацию: благоприятные социальные условия способствуют инфантилизации, в то время как рефлексия относительно глобальных вызовов и кризисов, угрожающих стабильности, заставляет людей уже в подростковом возрасте (ещё одна переходная группа — в данном случае между детством и юностью) задаваться отнюдь не детскими вопросами (показательный пример — молодёжное крыло экологического движения). Поэтому сегодня нельзя согласиться с И.М. Ильинским в том, что “достижение молодёжью возраста, когда она начинает полностью обладать всей суммой и уровнем социальных связей и отношений, свойственных данному обществу, означает, что она стала полноправным субъектом и объектом общественного движения и тем самым отрицает сама себя как молодёжь” [18, с. 421]. Подобное самоотрицание не связано однозначно ни с определённым возрастом, ни с овладением заданным социальным функционалом и статусной позицией. Важны психологические, когнитивные и социальные особенности каждого человека, специфика социальной и исторической ситуации, в которой эти особенности обнаруживаются, собственный выбор (процесс самоидентификации) и, наконец, готовность социального окружения признавать этот выбор.

Ещё один аспект обсуждаемой темы связан с процессом старения населения, моделью непрерывного обучения и развитием медицины и биотехнологий. При сохранении физического здоровья и высокого качества когнитивных способностей в ситуации увеличения продолжительности жизни люди получают возможность дольше оставаться экономически и социально активными,

что также меняет социальные границы молодости. Своеобразный прообраз подобной системы наблюдается в науке, где старшее поколение остаётся профессионально активным и продуктивным, и чтобы сравняться с ним и со средним поколением по качеству профессиональных компетенций, молодому человеку требуется куда больше времени и усилий. Поэтому если в постсоветской России в качестве возрастных границ молодости был законодательно установлен период с 14 до 30 лет [20], то в науке верхняя граница колеблется от 33 до 40 лет (подробнее об этом ниже). Примечательно, что в самом конце 2020 г. законодательно закреплённый возраст молодёжи был увеличен. Теперь молодым считается человек до 35 лет с возможностью повышения этой границы [21, ст. 1; ст. 6, ч. 3].

Таким образом, и структурно-функциональный, и комплексный подход к анализу категории “молодёжь” обнаруживает динамичность фиксируемого социального явления, его сложную природу и мультидисциплинарность как объекта исследования. Именно это заставляет соглашаться с российскими социологами в том, что молодёжная политика не может быть успешной без проработки теории молодёжи [22] и даже разработки новой философии возраста [18]. Учитывая все эти соображения, посмотрим, что можно сказать о молодых учёных как одной из составляющих “многообразия молодёжной реальности” [22, с. 13].

МОЛОДЫЕ В НАУКЕ: ПРОБЛЕМА КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ АКЦЕНТОВ

Научная молодёжь разделяет с молодёжью в целом охарактеризованные выше социокультурные особенности своего бытия. Научная молодёжь — субъект воспроизводства науки как социального института и особой познавательной практики. Интерес к молодым в науке возникает именно тогда, когда ставятся научно-организационные задачи, обусловленные кризисом существующей научной системы или задачами её совершенствования (об истории статуса молодого учёного подробнее см. [23]), аналогично тому, как М. Мид выдвигает проблему молодых в связи с кризисом воспроизводства моделей поведения и деятельности. Самостоятельной молодёжная тематика становится только во второй половине прошлого века.

Новоевропейская научная традиция, по сути, развивается и трансформируется на протяжении всего времени своего существования, но за последние полтора века интенсивность изменений оказалась беспрецедентной. Формирование развитой кадровой научной политики и молодёжной политики как одного из её направлений связано с превращением науки в ведущую силу социально-экономического прогресса и в качестве таковой —

в массовый социальный институт и массовую профессию. На протяжении XX в. наука институализировалась в виде разветвлённой структуры исследовательских, образовательных, конструкторских, экспертных организаций, в которых по всему миру только в качестве исследователей работает порядка 8 млн человек (по состоянию на 2013 г. [24, р. 32]). Воспроизводство подобного института уже нельзя отдать на откуп “естественному” процессу обновления и восполнения кадров, поскольку и дефицит, и переизбыток соответствующих специалистов на рынке труда в долгосрочной перспективе грозит негативными системными эффектами. (Россия столкнулась с ними в новом столетии после экономически и социально неблагоприятных 1990-х годов, а, например, Франция – после бума популярности научной карьеры в 1980-е – начале 1990-х годов [8].) В случае науки как хозяйствующего фактора, ответственного за конкурентоспособность стран и регионов, такие эффекты имеют масштабные социально-экономические и политические последствия.

Как и в других областях и даже сильнее, чем во многих из них, будущее науки определяется качеством человеческого капитала и перспективами его развития. По мнению социолога Б.В. Дубина, категория “молодое поколение” связана с проблематикой модернизации, с пониманием “молодёжи как воплощения... энергии сдвигов” [25, с. 65]. Появление формального статуса молодого учёного в СССР было вписано в систему практик, ориентированных на молодёжь как важнейшего субъекта исторического прогресса и способствующих раскрытию её потенциала. При этом рекрутирование новых кадров в СССР было кардинально демократизировано по сравнению с предшествующими этапами развития отечественной науки, а профессия учёного пользовалась большим престижем. Аналогичные процессы наблюдались и за рубежом, где после Второй мировой войны, во-первых, интенсифицировался процесс демократизации высшего образования, во-вторых, наука стала восприниматься как фундамент успешного развития страны и личного благополучия. Менялся образ учёного в общественном сознании: им уже мог быть не только мужчина преклонных лет, но и молодой человек или даже молодая женщина (здесь СССР демонстрировал весьма прогрессивный подход [26]). Вследствие этого статус молодого учёного приобретал всё большее социокультурное значение, получая категориальную оформленность, которая не имела аналогов в предшествующие периоды развития науки [23], а сама категория становилась важным инструментом научной политики.

В постсоветской России не существует однозначного определения статуса молодого учёного, понимание возрастных рамок полностью не устоя-

лось. Чаще всего речь идёт о молодых кандидатах и докторов наук в возрасте до 40 лет. Ряд программ РАН и научных фондов содержит указание верхней границы возраста молодого учёного 33 года (в частности, так лимитированы премии РАН молодым учёным и программа РНФ поддержки инициативных проектов, проводимых молодыми учёными или под руководством молодых учёных). В большинстве грантовых инициатив РНФ и РФФИ, а также в программе поддержки Совета по грантам Президента РФ и программе премирования Правительства Москвы молодым учёным считается кандидат наук в возрасте до 35 лет и доктор наук в возрасте до 40. Такие расхождения неизбежно приводят к мысли о произвольности избранных возрастных критериев. Упомянутый выше закон “О молодёжной политике в Российской Федерации”, с одной стороны, вносит порядок в эту практику, требуя считать молодыми людей до 35 лет, с другой – закрепляет сложившееся многообразие: каждое ведомство, осуществляющее молодёжную политику, вправе самостоятельно устанавливать, до какого возраста считать человека молодым. И хотя нельзя не согласиться, что в зависимости от того, о каком социальном институте идёт речь, целесообразно корректировать возрастные границы молодёжи как социальной группы [17], разнообразие трактовок в отношении одного и того же института вызывает вопросы.

К выводу о произвольности и непродуманности критериев выделения молодых учёных в отдельную группу подводит причисление к ним аспирантов или даже студентов. Кажется, что вопрос решаем только исходя из конкретных условий – в зависимости от того, проводится ли аспирантом (реже студентом) самостоятельная научно-исследовательская работа и имеет ли он в целом субъектность в научной среде. (Так, в некоторых советах молодых учёных или неформальных сообществах молодых учёных в целом аспиранты могут не восприниматься как ровня, но степень вовлечённости в сообщество и уровень научных результатов позволяет кардинально изменить статус отдельно взятого аспиранта.) Превращение аспирантуры в третью ступень образования, с одной стороны, ставит под сомнение статус аспиранта как молодого учёного. С другой стороны, надо понимать, что аспирантура и ранее не давала стопроцентного выхода учёных – многие шли за степенью, твёрдо понимая, что не будут связывать свою жизнь с наукой, другие же убеждались в своей профнепригодности. Таким образом, независимо от формального статуса аспирантуры, один аспирант действительно может рассматриваться в качестве молодого учёного, тогда как другой таковым не является. Кроме того, в аспирантуру можно поступить и в достаточном зрелом

возрасте, когда категория “молодой учёный” вроде бы неприменима.

Проблема социального статуса аспиранта (даже “великовозрастного”) решается при определённой формализации процесса, делающей особенности конкретной ситуации менее значимыми. Например, в Германии выделяют два типа аспирантских программ. Программы первого типа предполагают, что аспирант сам планирует свою деятельность, взаимодействуя в обязательном порядке только с научным руководителем. Программы второго типа опираются на заданный учебный план, более жёсткое курирование аспиранта и интеграцию его в некоторую исследовательскую команду. Нередко аспирант принимается на работу в курирующую его организацию, получает стипендию, то есть в полной мере начинает профессиональную жизнь [27, 28]. Это уже подлинный старт карьеры, поэтому даже если в будущем она не сложится, сегодня перед нами именно молодой учёный. Поскольку “великовозрастные” аспиранты, как правило, уже прошли этап карьерного старта и обучение в аспирантуре у них не связано с планом строить с нуля научную карьеру, но, скорее, предполагает рост в уже имеющейся профессии (в том числе научной), то они не соответствуют категории “молодые учёные” без какой-либо отсылки к возрасту.

Вопрос статуса аспирантов показывает, что молодой учёный – не возрастная категория, а категория, отражающая карьерное продвижение. В этом смысле более удачным следует признать не понятие “молодой учёный” (young scientist), а понятие “учёный, находящийся на ранних этапах научной карьеры” (early career researcher). Разумеется, именно возраст создаёт саму ситуацию начала карьеры, но затем жёсткая связь необязательно сохраняется. Человек, уже вышедший из молодёжной когорты, в профессиональном плане может оставаться молодым специалистом. И хотя сегодня такие ситуации относительно редки, в условиях быстрых изменений рынка труда, отмирания одних профессий и рождения других, а также необходимости постоянного образования в течение всей жизни, включая смену специализации, трактовка понятия “молодой специалист” как определяемого прежде всего особенностями карьерного продвижения, представляется более релевантной. При этом такое понимание не замыкает дисциплинарные рамки исследования, ограничивая его лишь предметным полем практикоориентированной управленческой науки. Карьера и профессиональное развитие сами принадлежат междисциплинарному полю социогуманитарных исследований, являясь социальными и культурно-историческими феноменами.

В свете сказанного необходимость очерчивать возрастные рамки, как это происходит в россий-

ской практике, связана с отсутствием у тех, кто разрабатывает и реализует научную политику и научное администрирование, чёткого представления о карьерной лестнице в науке и её основных вехах. В европейской практике и теории при определении статуса молодого учёного ведущую роль играет, напротив, не возраст, а критерии профессионального продвижения, этапы которого внятно различаются [29]. Соответствующий акцент хорошо просматривается в использовании терминов “early career researcher” [8, 12], PhD, “doctorate graduate” и “doctorate holders” [30]. Согласно определению Европейского совета аспирантов и молодых исследователей, молодым учёным (junior researcher) является “обладатель докторской степени, который участвует на протяжении определённого времени в исследовательской работе, требующей от него высокого профессионального уровня, но не обеспечивающей полной профессиональной независимости” [31]. При этом в европейских странах и США существует некий рубикон, отделяющий этапы построения карьеры, каждый из которых может завершиться уходом из науки, и зрелый период, когда карьера фактически построена и вероятность кардинальной её смены становится весьма небольшой. Таким рубиконом оказывается получение постоянной должности (tenure), а профессорская позиция выступает тем плато, на котором пребывает учёный, достигший, скажем так, полноты своего карьерного бытия (что не означает завершения профессионального развития, но гарантирует стабильность и благоприятные условия для научной деятельности).

Европейская практика говорит об относительной маргинальности учёного, который, находясь в начале профессионального пути, носит статус молодого. Молодой, значит, не закрепившийся в полной мере в научной системе, не имеющий того багажа знаний, опыта и связей, который играет роль своеобразного якоря, удерживая человека в профессии. Отсюда соответствующая смысловая нагруженность: молодой учёный оказывается будто бы не совсем учёным, причём не только и не столько с эпистемической точки зрения (наличие необходимых знаний, умений, опыта), сколько с социальной (признание научным сообществом, которое выражается в том числе в принятии учёного на постоянную должность). Исходя из такого понимания статуса молодого учёного, естественно распространять его и на аспирантов, и на тех, кто уже получил степень и добился определённых достижений. Об этом же говорит практика, когда студенты старших курсов признаются научным сообществом молодыми коллегами.

Относительная маргинальность позиции молодёжи в науке не противоречит тому факту, что молодые обычно берут на себя определённую часть научной работы. Какой именно она будет, в

существенной мере зависит от области знания. Так, аспиранты и отчасти молодые кандидаты наук (обладатели PhD) реализуют значительную часть экспериментальной работы в естественных науках [8], эмпирических исследований — в социологии, экономике и психологии, привлекаются к образовательному процессу, получившие степень работают с аспирантами в качестве наставников. То есть молодые учёные в составе научных коллективов непосредственно причастны к созданию научного знания, более того, выступают “неотъемлемым компонентом лабораторного процесса” [8, р. 407] и шире — научного процесса в целом.

ЭТАПЫ КАРЬЕРНОГО ПУТИ МОЛОДОГО УЧЁНОГО

Путь к постоянной должности в странах-лидерах в области науки (США, Франция, Германия и др.) включает прохождение аспирантуры, получение степени и повышение квалификации, то есть последовательный рост индивидуальной капитализации, позволяющий стать частью научного сообщества не на определённый период, а бессрочно. Важнейшие институционально оформленные этапы на этом пути — аспирантура и постдокторантура (программы повышения квалификации для уже получивших учёную степень), поэтому в качестве дефиниции молодого учёного зачастую используется непосредственное указание на позицию в научной иерархии (остенсивное определение): “Молодые учёные — это либо аспиранты, либо постдоки” [8, р. 407].

Если аспирантский период, несмотря на сделанные выше оговорки, подразумевает прежде всего приобретение знаний и умений, приобщение к этосу науки и интеграцию в соответствующую коммуникативную систему (то есть речь идёт о становлении учёного), то постдокковский этап лишь отчасти является продолжением этого процесса. Аспирантура — это первые самостоятельные шаги по карьерному пути, зачастую невозможные без серьёзной помощи научного руководителя. Постдокторант уже более опытен и самостоятелен, поэтому постдокторантура в большей степени выступает периодом совершенствования профессиональных компетенций, что непосредственно связано с построением карьеры, то есть целеполаганием и проектированием своего профессионального будущего. Такое проектирование осуществляется и в аспирантский период, но у постдока значительно больше возможностей как для планирования, так и для обеспечения своих планов необходимыми ресурсами. Задача постдока — найти своё место в научной среде, приобретая не только профессиональный познавательный опыт, но и круг связей и знакомств, научную репутацию и, наконец, постоян-

ную должность. Если результат постдокковской стажировки оказывается неудовлетворительным, молодому специалисту не удаётся закрепиться в академической среде, перед ним открываются возможности самореализации в смежных областях — от научного менеджмента и популяризации науки до работы в организациях, относящихся к иным звеньям тройной спирали наука—государство—частный сектор, то есть системы производства знаний в наукоёмких экономиках [32].

К началу нового тысячелетия передовые научные державы столкнулись с принципиальным изменением академического рынка труда, которое привело к тому, что постдокторантура превратилась в критический этап развития академической карьеры. Если в течение нескольких десятилетий после Второй мировой войны рынок рос и спрос превышал предложение, то к концу 1990-х — началу 2000-х годов численность специалистов со степенью превысила количество вакантных мест в государственном и частном секторах исследований и разработок [8, 30]. Вследствие этого привлекательность научной карьеры стала снижаться, для многих талантливых молодых людей путь в науку оказался закрыт.

Профессиональное сообщество выражает обеспокоенность этой ситуацией, поскольку в перспективе она может обернуться дефицитом научных работников. Постдокторантура стала своеобразным ответом на этот вызов. В рамках постдокторантских программ молодым обладателям докторской степени предоставляются временные контракты и возможность реализовать собственный или поучаствовать в реализации коллективного научного проекта. Молодой доктор, как бы эффективно он ни использовал аспирантские годы, только в исключительных случаях успевает приобрести достаточный научный вес — высокие показатели научной продуктивности, сеть профессиональных контактов, радикально не уступающую по разветвлённости сети контактов старших коллег, опыт организации и сопровождения научных исследований. Постдокторантура — период, когда у него есть возможность пополнить своё научное портфолио и приобрести репутацию в профессиональной среде.

Сегодня научная деятельность требует больше, чем раньше, числа компетенций — не только познавательных, но и организационных, и социальных. Как отмечает специалист в области научно-технической политики Б. Боземан, человеческий капитал в области науки и технологий предстаёт как “совокупность научных и технических знаний, востребованных в процессе научной работы, умений, а также социальных связей и ресурсов, которыми обладают учёные и инженеры” [33, р. 565]. Боземан исходит из того, что “если производство

научного знания определяется как социальный процесс, то востребованными оказываются многие навыки, относящиеся к социальной или политической, а не когнитивной области” [33, р. 566]. Без овладения обозначенными компетенциями начинающий учёный фактически не имеет шансов закрепиться в академической среде.

В России нет аналога постдокторантуры, хотя попытки его формирования предпринимаются. При этом отмечается, что имеющиеся инициативы весьма отличаются от зарубежного опыта, а также различаются между собой [34], то есть преждевременно говорить о некоторой единой практике, выстраиваемой на основании общих принципов. Вместе с тем российские реалии также свидетельствуют о том, что аспирантский период — лишь один из первых шагов на пути становления зрелого учёного. Разнообразные меры в области организации научного процесса отражают понимание критичности постаспирантского этапа, точнее первых лет после получения степени кандидата наук. Поэтому при отсутствии формализации статуса молодого учёного в рамках института постдокторантуры в российской науке обнаруживается карьерный этап, аналогичный постдокторантуре по своему значению в карьерном продвижении и весьма отличный от неё по своему содержанию.

РОССИЙСКАЯ НАУКА: ЛИМИТИРОВАННОЕ ВРЕМЯ БОЛЬШИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

В нашей стране в последние годы сложились достаточно благоприятные условия для научной молодёжи. Это связано с двумя взаимосвязанными факторами — кадровым дефицитом, сформировавшимся в 1990-е — начале 2000-х годов, и научной политикой, направленной на его устранение. Система мер привлечения и удержания молодёжи в науке была существенно расширена на глазах одного поколения — миллениалов, к которому принадлежит и автор настоящей статьи. Сегодня у молодых учёных есть возможность обрести и финансовую состоятельность (проблема материального неблагополучия, стоящая перед отечественными учёными в целом, особенно остра и болезненна в случае тех, кто лишь начинает профессиональную деятельность), и даже профессиональную самостоятельность ещё до получения кандидатской степени. Основную роль здесь играют различные грантовые программы, одни из которых мотивируют научные коллективы активно включать аспирантов и студентов в свой состав, а другие (прежде всего запущенная РФФИ в 2019 г. программа грантовой поддержки аспирантов) позволяют начинающим учёным брать на себя функции планирования и управления собственным исследованием. Для молодых

кандидатов наук открываются возможности организовывать исследовательские команды в рамках грантовой поддержки, участвовать в разнообразных программах повышения квалификации, в том числе ориентированных на подготовку учёных-организаторов, способных вести серьёзную административную работу. Мотивирующей и поднимающей престиж научной карьеры стала практика поощрения талантливой молодёжи, причём не только со стороны научного сообщества, но и государственных органов (премии молодым учёным президента РФ).

Научные коллективы чрезвычайно заинтересованы в молодёжи в том числе и потому, что без неё не могут выполнить не только требования фондов грантовой поддержки, но и нормативы Минобрнауки России, в частности, условия дорожных карт в рамках Нацпроекта “Наука”. Изменение внешних по отношению к науке реалий, в частности, повышение престижа научной работы, расширение количества интеллектуальных площадок и востребованность спикеров-экспертов, особенно среди молодой аудитории, позитивно реагирующей на экспертов-ровесников, появление новых доступных форматов популяризаторской деятельности, также создаёт ощущение дальнейшего трудоустройства в случае, если научная карьера не сложилась.

Российская действительность заметно отличается от зарубежной. За последние годы возникло множество ярких примеров того, что статус молодого учёного может быть сопряжён не только с маргинальной социальной позицией и социальными рисками, на которых сосредоточено внимание европейских теоретиков и практиков научной кадровой политики. Отечественная научная политика — как иницируемая самим научным сообществом, так и властью — нацелена на создание различных историй успеха. Если ещё в конце нулевых годов при обсуждении перспектив научной карьеры студенты исходили из того, что материальная и нематериальная отдача может быть получена только по прошествии десятилетий, то сегодня создаётся впечатление, что при условии личных усилий заметные результаты могут быть достигнуты значительно раньше. Тем самым обнаруживается зависимость статусной позиции молодого учёного от конкретных социальных и культурно-исторических условий.

По всей видимости, Россия находится сегодня в той точке развития рынка научного труда, которую страны-лидеры в области науки прошли несколько десятилетий назад. Если за рубежом молодые учёные вступают в жёсткую конкуренцию друг с другом за право остаться в академической среде, то в нашей стране сложились почти уникальные условия для быстрого раннего карьерно-

го продвижения. Такая ситуация имеет свои подводные камни. Во-первых, слабая конкуренция уменьшает надежду на повышение качества научных кадров. Во-вторых, при низком пороге входа в науку попадает большое число случайных людей, которые в дальнейшем не смогут построить научную карьеру, а значит, ресурсы на их подготовку и поддержку были потрачены впустую. В-третьих, в будущем проблемы могут возникнуть уже у учёных среднего возраста, тех, кто по каким-то причинам не смог максимально использовать преференции статуса молодого учёного и подняться на такой карьерный уровень, который позволит продолжать продвижение и в отсутствии разнообразных стимулирующих мер и мер поддержки. Важен здесь и психологический момент: выйдя за пределы молодёжного возраста, учёный может обнаружить, что в нём уже не настолько, как раньше, заинтересованы, что количество предложений по участию в различных проектах сокращается, а в штате научной организации его место руководство готово отдать более молодому конкуренту.

Таким образом, статусная позиция молодого учёного, с одной стороны, указывает на существование своеобразного аналога постдокторантуры – периода, в рамках которого человек, получивший учёную степень, но ещё в полной мере не состоявшийся как исследователь, получает ресурсы, необходимые для профессионального развития. С другой стороны, российская научная политика формирует патерналистскую, а не конкурентную среду. Хотя данная стратегия оправдана в условиях нехватки кадров, в долгосрочной перспективе она влечёт за собой нежелательные последствия, а потому уже сегодня должна корректироваться.

* * *

Хотя слабость позиции молодого учёного в России максимально смягчена упомянутыми мерами научной политики и низким уровнем конкуренции, даже в такой благоприятной среде этот статус опознаётся как временный и таящий карьерные риски. В профессию никто не приходит, чтобы стать молодым учёным, цель – стать учёным как таковым, поэтому на уровне индивидуального понимания и признания в сообществе существуют свои неформальные маркеры утверждения человека в профессии.

Молодёжный период – предварительный, промежуточный на пути к достижению желаемого, а значит, предполагающий дополнительные усилия и трудности. Однако не очень на первый взгляд привлекательный опыт других стран и рефлексия над ним зарубежных и отечественных исследователей показывают, что непростой период, следующий за получением степени кандидата

наук (PhD в странах Европы и США) не нужно воспринимать исключительно негативно. Подобные оценки не следует выносить даже тогда, когда этот период выглядит как один из частных примеров проникновения в научную среду рыночных законов жёсткой конкуренции. То, что субъективно может восприниматься как “мытарства” между различными временными местами работы, объективно оказывается периодом накопления уникального человеческого капитала в области науки, технологии и – добавим к формуле Б. Боземана – образования. Опираясь на такое понимание, можно оценивать организационно-структурную неопределённость, отличающую статус молодого учёного, не с отрицательным, а с положительным знаком. Получив постоянную должность и будучи избавленным от необходимости искать новые возможности для трудоустройства или получения финансовой поддержки своих исследовательских проектов, учёный в какой-то мере утрачивает возможность приобретения разнообразного познавательного и социального опыта (тот факт, что сегодня от необходимости поиска финансирования не избавлены и состоявшиеся учёные, особенно в России, – предмет другого разговора и последующих исследований).

Где бы молодой человек в итоге ни закрепился, чем более содержательным (и, возможно, одновременно тернистым) был его путь, тем большую пользу он принесёт и той области, с которой будет связана его карьера, и смежным с ней областям, и обществу в целом. Именно это можно считать квинтэссенцией социокультурного значения статуса молодого учёного для современной мировой науки как когнитивного, социального и культурного явления, а также для наукоёмкой экономики и общества, основанного на знаниях.

ИСТОЧНИК ФИНАНСИРОВАНИЯ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00896.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андреев А.И., Андриянов А.В., Ильин И.В.* Молодёжная политика в сфере науки и высшего образования: новые идеи для России // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. Ежегодник. Вып.: Молодые учёные в современной России / Отв. ред. Г.В. Хлебников, Д.Г. Шкаев. М.: ИНИОН, 2012. С. 47–67.
2. *Омельченко Е.Л.* Стилевые профили трудовых стратегий молодых специалистов и специалистов в фокусе гендерных различий // Социологические исследования. 2002. № 11. С. 36–47.
3. *Дежина И.Г.* Молодёжь в науке // Социологический журнал. 2003. № 1. С. 61–79.

4. Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. Ежегодник. Вып.: Молодые учёные в современной России / Отв. ред. Г.В. Хлебников, Д.Г. Шкаев. М.: ИНИОН, 2012.
5. Шматко Н.А., Волкова Г. Служба или служение? Мотивационные паттерны российских учёных // Форсайт. 2017. Т. 11. № 2. С. 54–66.
6. Андреев А.Л., Новохатько И.М., Осипова А.С. Исследование мотивации научной деятельности в университете как корпорации в рамках институционального подхода // Социологическая наука и социальная практика. 2017. № 4. С. 27–45.
7. Душина С.А. Карьеры молодых учёных в институциональном контексте: опыт России и Германии // Проблемы деятельности учёного и научных коллективов. 2018. № 34. С. 127–137.
8. Mangematin V., Robin R. The two faces of PhD students: management of early careers of French PhDs in life sciences // Science and Public Policies. 2003. V. 30. № 6. P. 405–414.
9. Gaughan M., Robin S. National Science Training Policy and Early Scientific Careers in France and the United States // Research Policy. 2004. V. 33. P. 569–581.
10. Auriol L. Careers of Doctorate Holders: Employment and Mobility Patterns. STI Working Paper 2010/04. Paris: OECD, 2010.
11. Auriol L., Schaaper M., Felix B. Mapping careers and mobility of doctorate holders: draft guidelines, model questionnaire and indicators. 3rd ed. OECD Science, Technology and Industry working papers 2012/07. Paris: OECD Publishing, 2012.
12. Supporting Early Career Researchers through Gender Action Plans. A Design and Methodological Toolkit. Garcia working papers 9 / Ed. by R. Bozzon, A. Murgia, B. Poggio. Trento: University of Trento, 2016.
13. Mead M. Culture and commitment: a study of the generation gap. Garden City, N.Y.: The American Museum of Natural History, Natural History Press/Doubleday, 1970.
14. Иконникова С.Н., Кон И.С. Молодёжь как социальная категория. М.: ИКСИ АН СССР, 1970.
15. Иконникова С.Н. Молодёжь. Социологический и социально-психологический анализ. Ленинград: ЛГУ, 1974.
16. Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К. Молодёжь в обществе риска. Второе издание. М.: Наука, 2003.
17. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодёжь России: социологический портрет. М.: ЦСПиМ, 2010.
18. Ильинский И.М. Прошлое в настоящем. Избранное. М.: Изд-во Московского гуманитарного университета, 2011.
19. Россия и Китай: молодёжь XXI века / Отв. редакторы М.К. Горшков, Ли Чунлинь, З.Т. Голенкова, П.М. Козырева. М.: Новый хронограф, 2014.
20. Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 3 июня 1993 г. № 5090-1 “Об основных направлениях государственной молодёжной политики в Российской Федерации”. <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102023954> (дата обращения 03.01.2021).
21. Ф3-489 “О молодёжной политике в Российской Федерации” от 30 декабря 2020 г. <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012300003> (дата обращения 03.01.2021).
22. Луков Вал.А. Концептуализация молодёжи в XXI веке: новые идеи и подходы // Социологические исследования. 2012. № 1. С. 5–16.
23. Пирожкова С.В. Категория “молодой учёный” в историко-научном контексте: попытка рациональной реконструкции // Полилог/Polylogos. 2020. Т. 4. № 4. <https://polylog.jes.su/s258770110013252-9-1/> (дата обращения 06.01.2021).
24. UNESCO Science Report. Towards 2030. Paris: UNESCO Publishing, 2015.
25. Дубин Б.В. Поколение: смысл и границы понятия // Отцы и дети. Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 61–79.
26. Кныш Н.А. Образ учёного в художественном кинематографе конца 1940-х – начала 1950-х годов // Вестник ЧелГУ. 2007. № 18. С. 119–136. <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-uchenogo-v-hudozhestvennom-kinematografe-kontsa-1940-h-nachala-1950-h-godov> (дата обращения 10.10.2020).
27. Душина С.А., Ащеулова Н.А. Аспирантура в национальных академических системах (опыт Германии и США) // Вестник МГИМО-Университета. 2013. Т. 29. № 2. С. 170–177.
28. Кочеткова Т.О., Носков М.В., Шершнев В.А. Университеты Германии: от реформы Гумбольдта до Болонского процесса // Высшее образование в России. 2011. № 3. С. 137–142.
29. Eurodoc’s policy paper 2017 – Defining “Junior Researchers” and Challenges they Face. Eurodoc’s policy paper. Brussels, 25 October 2017. <http://www.eurodoc.net/sites/default/files/attachments/2017/133/eurodoc2017-juniorresearchersdefinitionandchallenges.pdf> (дата обращения 09.10.2020).
30. The Science and Technology Labor Force. The Value of Doctorate Holders and Development of Professional Careers / Ed. by L. Gokhberg, N. Shmatko, L. Auriol. Heidelberg; New York; Dordrecht; London: Springer, 2016.
31. European Career Framework. Eurodoc position paper and recommendations. Paper of the Career Development Workgroup. September 2010. http://eurodoc.net/oldwebsite/2010_Eurodoc-Career-Framework_Recommendations.pdf (дата обращения 03.12.2020).
32. Etzkowitz H., Leydesdorff L. The Triple Helix – University–Industry–Government Relations: a Laboratory for Knowledge Based Economic Development // EASST Review. 1995. V. 14. № 1. P. 14–19.
33. Bozeman B., Mangematin V. Editor’s introduction: building and deploying scientific and technical human capital // Research Policy. 2004. V. 33. № 4. P. 565–568.
34. Нетребин Ю.Ю. Зарубежный опыт постдокторской подготовки исследователей // Управление наукой и наукометрия. 2019. № 2. С. 204–223.